

Обратная транскрипция

– Привет. Как дела?

– Да как обычно. Просидел весь день за клавиатурой, задница скоро отвалится.

Она смеётся. Негромкий, приятный для слуха звук вязнет в окружающей пустоте.

– Ты уж побереги её, ладно? А то зачем ты мне без задницы?

Теперь улыбаюсь я. Дурацкий диалог, почти целиком состоящий из того, что я привык называть петросьянством и не вызвавший бы раньше ничего, кроме глухого раздражения, странным образом нравится нам обоим. Она подходит (подлетает?) ближе и, улыбаясь в ответ, заглядывает в экран. Я привычно дёргаюсь, чтобы свернуть браузер, и тут же расслабляюсь. Моё движение не ускользает от её внимания, и она снова смеётся, пробегая взглядом по открытой странице.

– Ты что, действительно не можешь без этого?

Я не уверен, что готов ответить. Теперь, наверное, смог бы – если бы мне было, чем занять себя в промежутках между её визитами. Но, к сожалению, слишком мало изменилось по сравнению с прежним распорядком – разве что вставать по утрам стало незачем. По утрам? Хотел бы я знать, какое сейчас время суток. Она поворачивается ко мне:

– Прошло уже почти две недели. Пора решать. Держать тебя тут нетрудно, но вот тебе это на пользу точно не идёт.

Я и сам знаю. Я почти потерял счёт времени. Я отвык от общения с себе подобными. Вся моя жизнь теперь вращается вокруг сна, еды, интернета и... вокруг неё. Я поворачиваю голову и встречаюсь с ней взглядом. Кажется, она прекрасно понимает, что я хочу сказать, но даёт мне возможность начать первым.

– Я не могу. Ты же понимаешь, - я запинаюсь, пытаюсь нащупать нужный тон, понимаю, что из этого ничего не выйдет, и выпаливаю, скомкав начало фразы, - мне важно знать, что будет потом.

Кажется, я никогда не научусь называть вещи своими именами. А она явно не собирается помогать мне, внимательно глядя мне в глаза и приветливо улыбаясь. Слишком знакомо. Сколько раз до этого я видел такие же улыбки? Такие же внимательные взгляды? Я буквально ощущаю пустоту, которая всегда таится за нейтральной доброжелательностью.

– Потом? – она нарушает тишину. Приветливая улыбка становится чуть уже, в глазах появляется заинтересованность – ровно столько заинтересованности, сколько нужно. Я хочу отвернуться, но воспитание не позволяет. Чтобы хоть как-то уйти от напряжения, которое мешает мне думать, я сосредотачиваюсь на внешнем уголке её правого глаза. Длинные чёрные ресницы подрагивают, когда она прищуривается, и мой взгляд сползает ниже, к её фиалковой радужке, окружённой розовым от слившихся в мелкую сеть прожилок белком. Она явно не выспалась. Как она провела прошлую ночь? И с кем? Я отгоняю непрошеную мысль, и понимаю, что она уже какое-то время что-то говорит мне:

– ...понимаю твою неуверенность, но неужели ты думаешь, что я вытащила тебя только для того, чтобы бросить там безо всякой поддержки? Я же прекрасно знаю, каково это, ты не первый и не последний. Внешний вид, биография, несколько «старых знакомых» - ты станешь таким же, как все...

– Ты уже рассказывала, - перебиваю я; досада от того, что разговор опять принимает старый оборот, пересиливает вежливость. – Лучше скажи, кому я буду подчиняться непосредственно.

Она садится. Здесь это выглядит немного странно, и я наконец отворачиваюсь, смотрю на экран, обновляю страницу и начинаю читать новые посты. Она молчит, и это приятно – кажется, она всё-таки понимает, в чём дело.

– Непосредственно? Видящему цель. У вас их, кажется, называют проектными менеджерами, - произносит она, когда пауза становится чрезмерно долгой.

Я цепляюсь за знакомое слово.

– Менеджеры? И у вас тоже?

– А ты как думал? Принципы управления сложными проектами универсальны, от них никуда не денешься. Есть квалифицированные эксперты, вроде тебя, хорошо знающие свою тему, а есть координаторы, знающие, какова конечная цель и каковы должны быть свойства готового продукта.

– Ты, кстати, ничего не говорила о продукте, – я чувствую, что сегодня я могу думать, но как только пытаюсь начать думать, вспоминаю, что это цитата, и улыбаюсь, потому что в каком-то смысле обе сюжетные ветки «Улитки на склоне» относятся и к моему нынешнему положению. – Расскажи, а?

Она хмурится. Кажется, это второй раз, когда я вижу что-то похожее на отрицательные эмоции на её... лице? В первый раз она хмурилась, переключаясь

между открытыми вкладками моего браузера, и почти незаметно вздрагивала, бросая взгляд на каждую очередную страницу из тех, что я оставил открытыми накануне. Это был первый и единственный раз, когда она пришла, пока я спал. Её присутствие разбудило меня – хотя здесь мы оба двигались совершенно бесшумно – и какое-то время я украдкой наблюдал за ней из-под согнутой руки, краснея и не зная, что сказать и как теперь быть. Я был готов ко всему, но она просто повернулась и сказала:

– Доброе утро. Ты решил?

Я так и не решился заговорить с ней о том, что она видела. А однажды, когда она смотрела в экран так же, как и сегодня, стоя рядом со мной, и заметила, как старательно я избегаю нескольких вкладок, она мягко улыбнулась и сказала:

– Кажется, кто-то тут переживает по пустякам. Не стоит. Я понимаю, что это всего лишь картинки в вашей глобальной сети – хотя, надо признать, довольно неприятные. А точнее, неприятно неожиданные. Но это не твоя вина; скорее, это мне следовало бы давно привыкнуть к особенностям вашей психики.

Это был первый раз, когда я по-настоящему понял, чем может отличаться моя будущая жизнь от моей прошлой. А ещё мне больше не приходилось сворачивать браузер всякий раз, когда она подходила к монитору.

Она продолжает говорить, спокойно, ровно и приветливо; мне очень хочется сделать что-нибудь, чтобы пробить эту броню формальной сдержанности:

– ...но у нас нет специалистов нужного уровня. Задача подобного рода встала перед нами впервые, и поэтому я решила пригласить тебя.

– Извини, я прослушал. Что именно нам предстоит сделать?

Она вздыхает. Конечно, такой пустяк не может вывести её из равновесия.

– Цель проекта – дееспособный клон. Воссозданное тело, являющееся носителем воссозданной личности. Клонирование личности – отдельная тема, это направление в проекте курирую я сама, и почти уверена в успехе. Во всяком случае, прецеденты уже... впрочем, неважно. С клонированием тела у нас получается хуже. Разработаны теоретические основы, эксперименты на животных увенчались успехом, и довольно давно, но когда дошло до более серьёзных вещей...

Я хмурюсь.

– Мы поняли, что наших знаний – как бы обширны они ни были – недостаточно. Поэтому я приняла решение пригласить тебя.

– Постой, – я прерываю её, встаю и начинаю ходить туда-сюда. Наверное, со стороны это выглядит довольно комично. – Ты хочешь, чтобы я принял участие в проекте, цель которого – клонирование разумного существа?

– Да.

– А... - я теряюсь и какое-то время не нахожу слов, – Кем ты себя возомнила? Ты хотя бы примерно представляешь, сколько копий было сломано в своё время вокруг этого вопроса?

– Представляю. Здесь отсутствует этическая составляющая. Донор пребывает в коме... и уже довольно давно. Это единственный способ спасти ему... ей... жизнь.

– Спасти? А ты уверена, что донор бы хотел такого... спасения?

Она мягко улыбается.

– Кажется, у тебя яблочное пюре в голове. Прекрасно тебя понимаю. Сперва появляюсь я, потом забираю тебя сюда, потом вот это; но неужели ты настолько пленён своими стереотипными представлениями обо мне? Поверь, настоящая я очень далека и от того, что ты привык видеть в этой вашей сети, и от того, что ты видел вне её!

Она расправляет крылья, и на краткий миг её глаза вспыхивают, как две ослепительные звезды. От её фигуры с гордо поднятой головой веет таким величием и уверенностью, что на какое-то время я забываю обо всём, просто любуюсь ей.

Она складывает крылья, и смотрит на меня немного исподлобья, улыбаясь уголками рта. Я готов поклясться, что это кокетливый взгляд, но я слишком плохо разбираюсь в таких вещах.

– «Но я уйду на Запад и останусь Галадриэлью». Так, кажется? – она тихо смеётся. Её глубокий голос музыкой отдаётся у меня в ушах. Я ещё не совсем пришёл в себя, и только киваю в ответ. Какое-то время мы стоим друг перед другом, и мне не хочется прерывать молчание. Кажется, ей тоже. Наконец она вздыхает и произносит:

– Мне пора. Будь добр, реши что-нибудь до завтра.

– Хорошо.

Я смотрю ей вслед и думаю, что если бы у нас была возможность проводить больше времени вместе...

Но даже если я соглашусь – будет ли у нас такая возможность? А если и будет – правильно ли я воспринимаю её полунамёки? Традиционная френдзона? В памяти всплывает ряд эпизодов, которые почти однозначно убеждают меня в том, что ничто человеческое не чуждо ни ей, ни её подданным. «Да ты же охуел, - сообщает мне воображаемый собеседник. - Тебе предлагают заниматься любимой работой, и где? В мире, в который ты даже не мечтал попасть! А что делаешь ты?» – «Как обычно, – раздражённо отвечаю я, – торможу. Когда я занимался чем-то другим, кроме как в учёбе?» Мой собеседник довольно смеётся: «Да, задротом ты был знатным... и поныне остался, похоже. Знаешь, в твоём сраном родном болоте и тепло, и сыро, и комары вроде бы не сильно тощие, но зачем тебе это всё?» – «Откуда мне знать, – я огрызаюсь ещё более раздражённо и начинаю ходить кругами вокруг стола, на котором стоит компьютер, – неужели непонятно, что мне просто страшно?» – «Ох ты! Всем страшно, знаешь ли. Но второй раз тебя не позовут, это тебе не РПГ, загрузиться никто не даст». – «Можно подумать, мне кто-то когда-то давал». Я заставляю воображаемого собеседника помедлить с ответом, как будто он раздумывает над смыслом последней фразы и не сразу понимает, что я имел в виду. Наконец, я позволяю ему захихикать в ответ – он очень пошлый, мой воображаемый собеседник: «А тут уже всё зависит только от тебя». – «Да пошёл ты! Кто я, и кто она... и вообще...» – я останавливаюсь, спотыкаясь о дилемму, к которой пытался подступиться неоднократно. Мой собеседник продолжает хихикать: «Да-да, именно так теперь тебя и надо называть. Прекрати строить из себя целку. Ты уже, считай, зашкварен», - он с особым удовольствием вворачивает последнее словечко и исчезает. Я делаю ещё пару кругов вокруг стола и, успокоившись, сажусь на кровать. Пора спать, что бы это ни означало здесь. Завтра – что бы это ни означало здесь – она придёт за ответом, и, кажется, я уже знаю, что скажу, глядя в её фиалковые глаза.

<p align="center">***

Она нарушает наш молчаливый уговор, которого придерживалась с тех самых пор, как впервые пришла, когда я спал. Я просыпаюсь от ощущения её присутствия, как тогда, и рывком сажусь в постели. Она стоит рядом, внимательно и немного настороженно глядя на меня.

– Привет. Как дела?

– Недурно. Что так рано? – я выбираюсь из кровати и иду в сторону, где обычно находится ванная. Вот и сегодня умывальник стоит на том же месте, блестя

смесителем и металлическим ободком стакана для зубных щёток. Зеркала, как обычно, нет. Я открываю воду. Она немного повышает голос, чтобы перекрыть журчание воды, и отвечает:

– Сегодня выдалась хорошая ночь. По крайней мере, мне удалось поспать – наверное, почти столько же, сколько тебе.

Умывшись, я беру тюбик зубной пасты и начинаю чистить зубы.

– А коко а эхона шпал? – при попытке выговорить «п» брызги зубной пасты разлетелись в стороны, покрыв маленькими белыми точками блестящий хобот крана, стакан и тёмно-синий тюбик с зубной пастой.

– Почти десять часов. А я проспала около девяти, и это было до того здорово!

Её голос становится похож на мурлыканье, и я оборачиваюсь, не вынимая зубную щётку изо рта, успевая увидеть краем глаза, как она заканчивает потягиваться – грациозно, неторопливо и с наслаждением. Она смеётся.

– Давай завтракать?

Я полощу рот и отвечаю:

– Ты даже не позавтракала?

– Не-а, - беззаботно отвечает она и проходит мимо меня туда, где бывает кухня. Я закрываю кран и иду за ней.

– То есть без завтрака сразу сюда?

– Тосты с джемом? – произносит она полуутвердительно вместо ответа и достаёт из шкафчика хлеб. Я проверяю, есть ли в чайнике вода, и включаю его.

– Слушай, забыл вчера спросить, – я достаю две чашки и ставлю их на стол, где она уже расположилась с ножом и хлебной доской, – а кто донор?

Она прекращает резать хлеб, и в уголках её рта появляются глубокие морщины.

– Моя сестра.

– О, – какое-то время я не знаю, что сказать, и стою молча, – очень... очень жаль.

Она не отвечает. Её голова опущена, и, кажется, она готова заплакать. Я делаю шаг вперёд, наклоняясь, чтобы заглянуть ей в лицо.

– Прости. Я испортил тебе первое славное утро за последнее время. Прости.

Я протягиваю руку, чтобы коснуться её гривы, но она поднимает голову и смотрит мне в глаза.

– Глупо получилось, – её взгляд и голос спокойны, как и всегда, и мне становится неловко. Я убираю руку.

– Мне следовало сказать тебе раньше. Да, донором будет Луна. Как оказалось, дважды побывать под ударом Элементов Гармонии без вреда для себя не может даже аликорн. Я надеялась, что она сможет восстановиться, но... она не смогла. К сожалению, я не могу позволить ей просто... исчезнуть. Умереть. Я думала над тем, что ты сказал вчера – наверное, она бы действительно не захотела такого спасения. Но я не смогу нести эту ношу в одиночестве до бесконечности, и когда-нибудь случится то, от чего спасли Эквестрию носители Элементов – но на сей раз вечная ночь придёт потому, что некому будет поднять солнце, и станет действительно вечной.

Я сажусь, не сводя с неё глаз. Она продолжает ровным, спокойным голосом, глядя прямо перед собой:

– Сейчас она стабильна, но без сознания. Мы сумели добиться пускай хрупкого, но равновесия, и сейчас она находится в состоянии, которое позволяет нам сделать всё, что нужно, без излишней спешки.

Она поднимает голову и смотрит мне в глаза.

– Так что я не торопила тебя. Вчера мне сообщили, что стазиологам наконец-то удалась стабилизация, и она перестала требовать столько внимания и энергии. Теперь мне не нужно проводить рядом с ней большую часть времени, и я даже немного выспалась. Но мы должны начинать. Без репродукции тела репродукция сознания невозможна, поэтому ты будешь прокладывать дорогу мне.

Я молчал, глядя на свои сцепленные руки, спокойно лежащие между колен.

– Извини, я забыла спросить. Ты решил?

Я молчал. Чайник закипел, щёлкнув выключателем. Она терпеливо ждала.

Не знаю, сколько времени прошло, прежде чем я встал и подошёл к чайнику. Вода не успела остыть, и я наполнил кружку, сунул нарезанный хлеб в тостер и полез в холодильник за банкой брусничного джема из «Икеи». Достав банку, я поставил её на стол и отхлебнул немного чая, оценивая на сахар, удовлетворённо кивнул и отхлебнул ещё. Тостер щёлкнул, выплёвывая пару подрумяненных ломтиков белого хлеба, и я положил их рядом на хлебную доску, неторопливо размазал пару ложек джема по ближнему от меня и начал жевать, прихлёбывая чай. Часы на микроволновке показывали, что до выхода из дома мне осталось двадцать минут, и что надо бы жевать быстрее, но я не торопился. Сегодняшний день не обещал ничего нового, так что можно было опоздать. За окном ползли низкие серые облака, и те из них, что пропороли себе брюхо о высотки делового центра, роняли на землю мелкие, частые капли. Апрель вступал в свои права, и снега почти не осталось. Подумав о том, что надо бы сбрызнуть ботинки водоотталкивающей пропиткой, я доел последний ломтик хлеба, запил его последним глотком чая, удовлетворённо отметил, что сегодня удалось сделать так, чтобы хлеб и чай закончились одновременно, и пошёл одеваться.

<p align="center">Эпилог

– О чём ты думал? – Селестия расхаживает туда-сюда по комнате, её голос звенит от негодования, а взгляд мог бы без труда превратить василиска в статую. Сидящий перед ней разводит руками.

– Но что я такого сделал? Ничего особенного не произошло. Она даже ничего не заподозрила!

– Ты понимаешь, что всё висело на волоске? Даже самая искусно наложенная иллюзия – это лишь иллюзия, и она могла рассеяться в один миг благодаря твоим фокусам! И мне было бы очень, очень сложно объяснить ей, что ты такое и откуда взялся, и в результате вся наша работа пошла бы насмарку! Ты же видел, какие у неё проблемы с адаптацией, и всё равно вместо того, чтобы спокойно наблюдать, полез как можно ближе к ней, а закончил тем, что схватил её за гриву.

Сидящий наклоняет голову и тихо произносит:

– Я не смог удержаться. Мне очень хотелось узнать, какая она на ощупь.

– Мог бы потрогать мою! Ты знаешь, насколько сложно технически трансформировать ощущения от прикосновения твоей руки в ощущения от хватки зубами жеребёнка? А знаешь, какова вероятность неудачи в том случае, когда приходится работать с аликорном? Правильно, не знаешь. На этот раз всё получилось. В следующий – не получится. Поэтому я запрещаю – слышишь? – запрещаю тебе выходить из этой комнаты! Я потратила кучу времени, перебрала больше десятка биологов из числа ваших так называемых брони, каждый из

которых оказывался трусом или бездарностью, наконец-то нашла тебя, а ты оказался совершенно неспособен к самоконтролю! Я не собираюсь платить за твои ошибки.

– И не надо.

Человек встаёт и смотрит аликорну в глаза. Стоя, он выше её примерно на голову, и ей приходится поднять взгляд.

– У меня есть идея получше. Теперь в вашем распоряжении есть технология полного цикла. Найти пони с подходящим фенотипом – не такая уж большая проблема. Не думаю, что настоящий лишний пегий жеребёнок вызовет у твоих подданных больше вопросов, чем иллюзия лишнего пегого жеребёнка. А ей он уже знаком.

Селестия подаётся назад, её глаза расширяются, и какое-то мгновение человек видит в них смесь непонимания, удивления, страха и уважения. «Наверное, так смотрели предки наших лошадей на тех, кто пытался оседлать их», думает он и улыбается. «Давай же, принцесса. Полетели в замок?»
